

Об интерференции в образовании форм множественного числа в русской речи итальянцев

Ольга Б. Трубина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, olga.palladio@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена наблюдению за интерферирующим влиянием итальянского языка на образование форм множественного числа в русской речи итальянцев, которое может приводить к ошибочному образованию форм множественного числа от русских слов *singularia tantum*. Целью настоящего исследования является установление основных лингвистических причин, существующих в русском и итальянском языках, которые являются базовыми для возникновения или отсутствия данного вида интерференции и связанных с ней ошибок; что, в свою очередь, позволяет понять природу ошибок в речи инофонов. Исследования проводились на материале аутентичных переводных текстов, написанных итальянцами в учебных и иных целях. Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, частотностью образования в русской речи итальянцев форм множественного числа от слов *singularia tantum*; с другой стороны, необходимостью четкого понимания лингвистической природы такого рода ошибок. Важно подчеркнуть несистемный характер формирования форм числа имен существительных в русском и итальянском языках, а также нерегулярность грамматических помет, описывающих категорию числа в двуязычных и толковых словарях, что создает существенную методическую проблему.

Ключевые слова: интерференция, итальянский язык, форма множественного числа, *singularia tantum*, ошибка

Для цитирования: Трубина О.Б. Об интерференции в образовании форм множественного числа в русской речи итальянцев // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 8. С. 59–73. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-8-59-73

On interference in the formation of plural forms in the Russian speech of Italians

Ol'ga B. Trubina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
olga.palladio@mail.ru*

Abstract. The article is about the observation of the interfering influence of the Italian language on the formation of plural forms in the Russian speech of Italians, which can lead to the erroneous formation of plural forms from the Russian words singularia tantum. The purpose of this study is to establish the main linguistic causes existing in the Russian and Italian languages, which are the basis for the occurrence or absence of such type of interference and related errors; which, in turn, allows us to understand the nature of errors in the speech of non-native speakers. The research was conducted on the material of authentic translated texts written by Italians for educational and other purposes. The relevance of the topic is due, on the one hand, to the frequency of the formation of plural forms from the words singularia tantum in the Russian speech of Italians; on the other hand, the need for a clear understanding of the linguistic nature of such errors. It is important to emphasize the unsystematic nature of the formation of number forms in nouns in Russian and Italian, as well as the unsystematic nature of grammatical litterers describing the category of numbers in bilingual and explanatory dictionaries, which creates a significant methodological difficulty.

Keywords: interference, Italian, plural form, singularia tantum, error

For citation: Trubina, O.B. (2023), "On interference in the formation of plural forms in the Russian speech of Italians", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 59–73, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-8-59-73

И.А. Бодуэн де Куртенэ был одним из первых, кто в своих научных работах сформулировал концепцию взаимного влияния языков друг на друга. По его мнению, взаимовлияние охватывало конвергентную перестройку языков в результате развития языковых контактов. Он заметил, что результат такого взаимного влияния выходит за рамки простого заимствования отдельных языковых элементов и приводит к более широкой конвергенции языков в целом [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Л.В. Щерба развил идеи А. Бодуэна де Куртенэ, подчеркнув, что влияние языков друг на друга влечет за собой трансформацию норм обоих взаимодействующих языков [Щерба 1958].

Важнейшим этапом в изучении лингвистической интерференции в речи билингвов стали исследования У. Вайнрайха, в которых были сформулированы основные понятия и положения лингвистической теории языковых контактов и двуязычия [Вайнрайх 1999]. На идеи У. Вайнрайха опирались в своих работах В.Ю. Розенцвейг [Розенцвейг 1972], Е.М. Верещагин [Верещагин 1968] и др.

В своей книге «Основы теории взаимодействия языков» А.Е. Карлинский разработал комплексную схему языкового взаимодействия и представил собственное понимание интерференции, раскрыв ее природу и отличительные характеристики. Кроме того, он сравнил интерференцию с другими формами языкового взаимодействия и предложил принципы классификации интерферирующих явлений и их типологию. Исследователь подчеркнул, что при изучении интерференции важно учитывать направление влияния. Для иллюстрации этого он ввел термины «первичный язык» (Я1) и «вторичный язык» (Я2). Расширяя понятие интерференции, А.Е. Карлинский определяет ее исключительно как случаи отклонения от нормы, которые происходят в речи двуязычных людей на Я-2 под влиянием Я-1. И наоборот, случаи отклонения от нормы в речи билингвов на Я-1, возникающие под влиянием Я-2, он определяет как интерполяцию [Карлинский 1990].

Одним из важных аспектов изучения интерференции является диахронный. Изучая интерференцию в этом направлении, Т.П. Ильяшенко в своей работе делает важное замечание, предполагая, что изменения проявляются сначала в речи отдельных индивидов как окказиональные явления, необходимо определенное время для того, чтобы индивидуальные языковые формы, в том числе и грамматические, становились фактом языкового сообщества [Ильяшенко 1970].

Впоследствии интерференция в работах лингвистов рассматривалась не только как отрицательное, но и как положительное явление; положительным фактом считалось, например, то, что интерференция облегчает изучение языков¹. На наш взгляд, это спорное утверждение. Положительное влияние интерференции может проявляться в другом. Стоит подчеркнуть, что интерференция может иметь положительное влияние, способствуя взаимному обогащению языков, находящихся в контакте. Важно при этом отличать интерференцию от трансфера, который подразумевает неосознанный и ошибочный перенос норм родного языка на язык перевода [Ахунзянов, 1978].

¹Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.

В данном исследовании примем понимание интерференции Н.Б. Мечковской как ошибки, возникающей в результате влияния системы родного языка². В лингводидактике ошибка традиционно определяется как отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм, возникающее в результате ошибочных действий обучающегося³.

Безусловно, интерференция порождает широкий спектр ошибок в общении двуязычных людей. Наиболее распространенные ошибки, обычно наблюдаемые в русской речи итальянцев, включают трудности в различении твердых и мягких согласных, звонких и глухих согласных, итальянскую интонацию в речи на русском языке. Кроме того, часто встречаются дословные переводы, ошибки в порядке слов в предложении, неправильное написание слов, а также кальки или частичные кальки.

О.А. Беженар в своем исследовании воздействия итальянского языка на русскую речь итальянцев выделила несколько типов ошибок. К наиболее частотным относят следующие: неправильное произношение гласных и согласных звуков, ошибки в ударении; трудности в освоении спряжения глаголов; ошибки в употреблении падежных форм и предлогов; ошибки, связанные с определением рода существительных; ошибки в употреблении предлогов «за» и «для» для выражения цели; синтаксические кальки и ошибки, связанные со структурой предложения [Беженар 2015].

Таким образом, видим, что не выделяются ошибки, связанные с использованием форм числа в русской речи итальянцев; но, по нашим наблюдениям, такие ошибки частотны в русской речи итальянцев. Приведем несколько примеров такого рода ошибок:

Мой друг предпочитает независимости.

Он был готов к разным политикам.

Это уязвимости нашего мира (запись устной речи).

Будем считать, что морфологическое значение форм единственного и множественного числа отражает внеязыковое различие единичности и не единичности называемых предметов. Форма единственного числа как элемент морфологического противопоставления *форма ед. ч.* – *форма мн. ч.* означает тот факт, что предмет представлен в количестве, равном одному; в этом случае можно говорить о значении реальной единичности.

²Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 40.

³Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Указ. соч. С. 182.

Оно наиболее частотно. Вторичное значение форм единственного числа указывает на то, что предмет идентифицируется как представитель класса предметов без прямой корреляции с подлинной единственностью.

В свою очередь, множественное число означает, что предмет представлен в количестве большем, чем один, в этом случае можно говорить об указании на реальную расчлененную множественность; возможно и указание на абстрактную множественность, в этом случае объектом номинации становятся все предметы данного класса (*Снегири прилетают к нам зимой*). К частным значениям множественного числа можно отнести значение совокупности как нерасчлененного множества, не поддающегося исчислению (*Сибиряки морозов не боятся*), а также значение длительности (*Зарядили дожди*) и протяженности (*Вокруг нас леса*)⁴.

И в русском, и в итальянском языке большая часть существительных образует формы множественного числа от форм единственного числа, иногда они образуются супплетивно; наиболее частотным формальным показателем множественного числа чаще всего для обоих языков является флексия, реже – ударение, специфическим показателем множественного числа в итальянском языке является артикль.

И в русском, и в итальянском языке существует особая группа существительных *singularia tantum*, то есть слов, обладающих одной формой – формой единственного числа. Причиной отсутствия у них формы множественного числа многие исследователи считают «сопротивление» лексического материала грамматической форме.

Объектом для изучения интерферирующего влияния итальянского языка на русскую речь итальянцев стали аутентичные тексты, написанные итальянцами на русском языке в учебных и в иных целях, а также записи устной речи. Предметом для исследования – ошибки в речи итальянцев на русском языке, связанные с образованием форм множественного числа от абстрактных (отвлеченных) и вещественных существительных, которые имеют в русском языке в соответствии с нормой литературного языка только форму единственного числа (*singularia tantum*).

Отвлеченные (абстрактные) существительные будут нами пониматься традиционно, то есть как «слова, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния»⁵.

⁴Русская грамматика: [В 2 т.] / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; Москва: Наука, 1980–1982. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. 783 с.

⁵Там же. С. 472.

Как известно, отвлеченные (абстрактные) существительные являются номинацией (1) отвлеченных понятий, (2) свойств, качеств, (3) действий, (4) состояний; например: *слава, смех, благо, плен, доброта, близость, ловкость, бег, движение и др.* Формальным показателем отвлеченности будем считать словообразовательные. С точки зрения образования, абстрактные слова можно разделить на две группы. Большую часть отвлеченных существительных составляют словообразовательно мотивированные существительные, а именно: а) мотивированные прилагательными; б) мотивированные глаголами, образованные с помощью нулевого суффикса; например: *оригинальность, трусость, свежесть, хвастовство, большинство, прагматизм, бедствие, спокойствие, доброта, близость, глубина, развитие, терпение, голодовка, транспортировка, конкуренция, ажиотаж, купаж, платеж.* Такие слова не образуют соотносительных форм числа, они имеют только грамматическую форму единственного числа, то есть относятся к группе имен существительных *singularia tantum*, за исключением случаев, связанных с конкретизацией понятия, указанием на интенсивность процесса, наличием в семантике оттенков пространственного и временного значения⁶.

Подробную типологию отвлеченных существительных в русском языке предложил В.В. Виноградов, он выделил несколько типов: 1) непроизводные существительные мужского рода, допускающие в р.п. ед. числа окончание -у(-ю) при употреблении в количественном значении или в сочетании с предлогами *без, из, от, с*, например: *блеск, вздор, голод, жар, звон, испуг, лай, треск, холод*; 2) существительные мужского рода с суффиксами *-изм, -аж*, например: *утопизм, ажиотаж*; 3) существительные женского рода II склонения с суффиксами *-б-а, -от-а, -изн-а, -ин-а, -щин-а, -чин-а, -иц-а, -ура, -к-а, -аци-я, -н-я, -отн-я*, единичные образования с суффиксами *-ев-а* и *-ын-я*, например: *пальба, глухота, тишина, бессонница, редактурa, синева, возня, толкотня, электрификация*, а также некоторые существительные женского рода II склонения с непроизводной основой, например: *вражда, краса, скука, слава*; 4) существительные женского рода III склонения с суффиксами *-ость, -есть, -ность, -емость, -имость* и единичные существительные с суффиксами *-знь, -ль, -ель, -ынь*, например: *точность, живучесть, общность, гибель*, а также отдельные существительные III склонения с непроизводной основой, например: *блажь, грусть, лень, месь*; 5) существительные среднего рода с суффиксами *-ие, -ье (-ьё), -ние, -нье (-ньё), -тие, -тье (тьё),*

⁶Там же.

-ств-о, -еств-о, -тельств-о, -овств-о, например: *здоровье, терпение, сходство*, а также отдельные существительные среднего рода с непроемной для современного русского языка основой, например: *зло, горе, добро*; 6) в отдельную группу были выделены слова с суффиксом *-изм*, являющиеся номинацией отвлеченных понятий, а именно: названия учений, общественных, политических, научных взглядов и направлений, названия действий, состояний, качеств, склонности к чему-нибудь: *идеализм, расизм, идиотизм*; 7) существительные с суффиксом *-итет*, обозначающие отвлеченные или собирательные понятия: *авторитет, приоритет, нейтралитет*; 8) существительные с суффиксом *-з, -зис*, обозначающие процесс, действие или состояние, продукт действия: *генезис, тезис, анализ*. Меньшую часть отвлеченных существительных составляют немотивированные слова: *беда, ум, страх, нрав, мука, обман, страсть, горе, суть*⁷. Таким образом, формальным показателем абстрактности для инофонов могут быть указанные суффиксы.

В итальянском языке так же, как и в русском, большая часть существительных с отвлеченным значением не образует форм множественного числа, например:

il coraggio (храбрость), la pazienza (терпение), la superbia (гордость, высокомерие), la sete (жажда), la fame (голод), la stanchezza (усталость), il brio (веселость, оживление), il senno (разум).

Таким образом, лексическая система сопротивляется грамматической унификации; и это происходит несистемно, что значительно усложняет интерференционное влияние одного языка на другой.

При изучении возможности использования форм множественного числа необходимо учитывать потенциал лексикализации. Общеизвестно, что абстрактные существительные в процессе лексикализации форм множественного числа приобретают разнообразные оттенки значения: (1) значение различных проявлений качества, свойств, действий и состояния: *высокие скорости, женские радости, красоты природы, мои печали*, (2) значение большой длительности и интенсивности проявления признака, состояния: *холода, ветра, боли*, (3) у существительных со значением многократно повторяющихся однородных актов: *разные громкие крики, глухие хрипы, тихие постукивания*. В итальянском языке мы видим ту же тенденцию; приведем пример (перевод итальянского текста, сделанный в учебных целях, текст аутентичный):

⁷Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. С. 96–97.

Forme, colori, consistenze, volumi, sono molti i fattori estetici che anche lo chef deve considerare quando decide come presentare un piatto, la sua originale tela dove la combinazione di ingredienti genera una infinita nuance di sapori e sensazioni.

Буквально: **Формы, цвета, густоты, объемы** – это множество эстетических критериев, которые также шеф-повару нужно учесть, когда он решает, как должно выглядеть блюдо, которое является оригинальным полотном, где сочетание ингредиентов вызывает бесконечные нюансы вкусов и ощущений.

В подобных случаях интерференционное влияние родного языка на русскую речь итальянцев либо отсутствует, либо носит случайный характер. Это очевидные и, как правило, регулярные случаи «конкретизации», состоящей, по сути, в «смещении» родо-видовых отношений, что происходит в результате соотносительности абстрактного действия или качества с каким-либо конкретным предметом, событием.

Для того чтобы понять природу ошибок, которые часто делают итальянцы в русской речи при использовании слов *singularia tantum*, рассмотрим несколько примеров.

Пример 1 (аутентичный текст, перевод итальянского текста, сделанный в учебных целях, уровень владения русским языком – В1):

In particolare il cioccolato è tra gli **alimenti** preferiti in queste situazioni. Tristezza e malinconia aumentano il desiderio di zuccheri e derivati, mentre tensione, ansia e stress portano a consumare **cibi** molto salati e ricchi di grassi. Ma come arginare questa fame così particolare?

Буквально: ...В частности, в таких ситуациях одной из любимых пищей является шоколад. Из-за грусти и уныния горят желанием к сахару и его производным продуктам, а напряжение, беспокойство и стресс приводят к потреблению очень соленых и жирных пищей. Но как сдержать такой особенный голод?..

Мы видим, что итальянское слово **alimento** (*пища, питание*) и синонимичное слово **cibo**, употребленные в итальянском тексте во множественном числе, переведены русским словом **пищи*.

Концепт *пища* в итальянском языке описан следующим образом: **пи́ща 1** (*еда*) *cibo м., vitto м.* ■ *вкусная пи́ща cibo saporito; здоровая пи́ща cibo sano; молочная пи́ща latticini ж. мн.; мясная пи́ща carni ж. мн.; растительная пи́ща cibo vegetale*. Существуют специальные номинации для разных видов пищи, молочной или мясной. В итальянском языке возможен такой контекст: *Sono allergica ai latticini*. То есть слово *cibo* по отношению к словам *latticini* и *carni*

может быть родовым. В русском языке иная ситуация: **ПИЩА**, -и; ж. 1. То, что едят и пьют, что служит питанием; еда. Мясная п. Растительная п. Молочная п. Приготовить пищу. Калорийная п. Употребляться в пищу. Добывать пищу. Сидеть на пище святого Антония (разг.; плохо питаться; голодать, недоедать)⁸. У слова *пища* нет особых видовых однословных корреляций, эта лакуна в русском языке может быть закрыта описательными словосочетаниями *мясная пища /мясные продукты, молочные продукты*, в разговорной речи есть специальная номинация – *молочка*.

Пример 2 (аутентичный текст, перевод итальянского текста, сделанный в учебных целях, уровень владения русским языком – В1):

До сих пор были известны всего лишь 4 или 5 картин, аутентифицированных как произведения Салаи, среди них «Христос-Искупитель», который находится в Пинакотеке Брера в Милане. Другие картины находятся в частных коллекциях. Джан Джакомо Капротти да Орено (1480–1524) был учеником, моделью и казначеем Леонардо да Винчи, который дал ему прозвище Салаи (синоним слова «Дьяволенок») из-за своих простительный грех, невнимательности, мелкого воровства, **лжей**.

(Si conoscevano finora soltanto 4 o 5 quadri autentificati come opera del Salai, fra cui “Il Cristo Redentore” conservato alla Pinacoteca di Milano. Gli altri si trovano in collezioni private. Gian Giacomo Caprotti (1480–1524), fu allievo, modello e tesoriere di Leonardo da Vinci, che gli avrebbe dato il soprannome di Salai (sinonimo di “piccolo diavolo”) per i suoi peccati veniali, sbadataggini, piccoli furti, **bugie**.)

В соответствии с нормами литературного русского языка форма множественного числа от слова *ложь* невозможна, но при этом соответствующей запретительной пометы в толковых русских словарях (например, тех, которые мы цитируем) нет, что затрудняет понимание смысла и правил использования слова для билингвов. Форма множественного числа может быть образована исключительно в рамках литературного дискурса, окказионально, например:

От нее шли все остальные **лжи** – и крохотные, и побольше, и, наконец, та наибольшая, во имя которой ты и возник, Эдинов (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)). Обращается она к истории – ложь. Говорит о дне сегодняшнем – ложь. Грозит мрачайшим будущим – тоже ложь. И все эти **лжи** окутаны плотными

⁸Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.

туманами полуправды. А поди начини разворачивать туманные полотнища – сразу начнут клевать «Но ведь это же правда!» Может, кое-что тут и правда. Но – не вся правда, и не все – правда (Аркадий Киреев. Самая худшая ложь – это полуправда (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 14.07.2003).

В НКРЯ все формы множественного числа этого слова найдены в 24 текстах, 25 вхождений, все они – из литературных текстов, как современных, так и конца XIX в.

В итальянском языке *bugia* (буквально *ложь*) имеет форму множественного числа: ...bugia (2) ж. (мн. – *gie*) (*menzonga*) *ложь* f.; вранье п. ...dire un sacco di bugie (наврать с три короба) (fam.); non dico bugie (я говорю правду)...⁹ Важно отметить, что форма *bugie* используется не только во фразеологических оборотах (*le bugie hanno le gambe corte*/ буквально: у *лжей короткие ноги), но и в художественных текстах:

Le bugie, sono un comportamento comune e usato da oltre una persona su due nel quotidiano (il 59% le dice ogni giorno), e di questi il 5% è composto da bugiardi incalliti che, da soli, dicono il 40% di tutte le bugie dette nell'arco di 24 ore.

Буквально: *Лжи – это обычное поведение, к которому прибегает один или два из каждых двух человек в повседневной жизни (59% лгут каждый день); из них 5% – закоренелые лжецы, которые произносят 40% всей лжи, сказанной в течение 24 часов). [<https://www.psicologionline.net/articoli-psicologia/articoli-genitori-figli/2067-quando-pinocchio-diventa-grande>].

В итальянском языке есть слово, однокоренное со словом *bugia*, – *bugiarderia* (буквально: *большая ложь*); это вполне самостоятельная номинация важного для итальянской культуры концепта, при этом однословного аналога в русском языке нет. На наш взгляд, это может быть косвенным указанием на родо-видовые отношения (*ложь* – *большая ложь*, *маленькая ложь*), существующие в итальянском языке и отсутствующие, на наш взгляд, в русском языке.

В русском языке наиболее частотными коллокациями для расширенной номинации к слову *ложь*, по данным НКРЯ, являются: *чудовищная* (7727 вхождений), *наглая* (4678 вхождений), *чистейшая* (2359 вхождений). При этом коллоката *большой (ая)* для слова *ложь* не отмечено.

⁹ *Kovalev V.* Dizionario russo – italiano, italiano – russo. 4 ed. Bologna: Zanichelli, 2014.

Особую группу в сопоставляемых языках образуют **вещественные имена существительные**, так как обозначаемые ими денотаты часто недискретны, а измерение их количества связано прежде всего с понятием величины, а не числа; но при этом могут исчисляться части вещества/субстанции, и в этом случае недискретное становится дискретным, на что и в русском, и в итальянском языке указывает особая падежная форма (партитив).

Существительными **вещественными** считаются те из них, которые называют вещества, а именно: а) пищевые продукты (*жир, крупа, мука, сахар*); б) материалы (*гипс, цемент*); в) виды тканей (*бархат, ситец*); г) ископаемые, металлы (*уголь, железо, олово, янтарь*); д) *химические элементы, лекарства (кислород, аспирин)*, сельскохозяйственные культуры (*морковь, картофель*) и другие однородные делимые массы¹⁰.

В итальянском языке вещественные существительные, например продукты питания: *il latte* (молоко), *il miele* (мед), *la senape* (горчица), *il pepe* (перец), не имеют множественного числа в литературной форме национального языка, но они возможны в специальном языке. Общей для русского и итальянского языка является возможность лексикализации форм множественного числа. Например: многие названия металлов, употребляемые во множественном числе, меняют значение: *i ferri* – *инструмент, цепи, кандалы*; *una mostra di argenti* – *выставка изделий из серебра*; *gli ori di una chiesa* – *золотые украшения в церкви*.

Как известно, в русском языке вещественные существительные во множественном числе, лексикализуясь, могут приобретать следующие значения, нормативные для специального дискурса:

- (1) видов, сортов вещества: *крупа* – *крупы*, *масло* – *масла*, *сталь* – *стали*; (2) изделий из данного вещества: *шелк* – *шелка*, *бархат* – *бархаты*; (3) большое пространство, покрытое данным веществом: *вода* – *воды*, *песок* – *пески*.

В итальянском языке существует аналогичная тенденция, так, например, в специальном языке есть форма множественного числа от формы *paraffina* ж. (chim.) *Le paraffine da un punto di vista chimico sono miscele di idrocarburi saturi*¹¹.

Суть методической проблемы при этом заключается в том, что такие значения у вещественных существительных формируются нерегулярно, и, соответственно, это вызывает у билингвов труд-

¹⁰ Русская грамматика: [в 2 т.]. Т. 1. М.: Наука, 1980–1982.

¹¹ Kovalev V. Op. cit. 2528.

ности в использовании форм множественного числа. Так, формы (оде́та) в *шелка* или (оде́та) в *ивановские ситцы* возможны в русском языке; но при этом формы (оде́та) в *хлопки*, *шерсти* невозможны в литературном русском языке.

Возможность/невозможность образования форм множественного числа от вещественных существительных зависит от специфики семантики слов: от особенностей денотата (номинаруется ли расчлененное множество), возможна ли «счетность», а также от того, что именно является объектом счета/измерения; важна также возможность выделения единичного объекта для счета.

Отличной от итальянского языка чертой русского языка является возможность формирования сингулятивных форм, например таких как:

картофель – *картофелина*, *морковь* – *морковка* и др. В итальянском языке иначе: *морковь*: 1 (*pianta*) **морко́вь** f., **морко́вка** f. ■ *caròte grattugiate* те́ртая морко́вь; *un mazzo di caròte* пучо́к морко́ви □ *àbito colór caròta* пла́тье морко́вного цвёта; *pel di caròta* ры́жий-конопа́тый ○ *piantàr caròte* рассу́дывать ба́сни, залива́ть (*fam.*)¹².

К примеру, итальянское слово *patata* (*картофель*) соотносимо с понятием счета и может номинировать дискретную множественность: *Dammi cinque patate* (буквально: Дай мне пять *картофелей. *Lei ha preparato cinque patate*. Она сварила (приготовила) пять *картофелей.

В русском языке иная картина: слово *картофель* означает и огородное растение семейства пасленовых, и плоды этого растения, употребляемые в пищу (в этом случае отсутствует возможность счетности); отдельный плод этого растения именуют, как правило, в русском языке словом *картошка* (которое при этом имеет и значение, синонимичное значению слова *картофель*) или *картофелина*, в этом случае счетность возможна (например, *свари пять картошек* или *дай мне три картофелины*). То есть в русском языке существуют такие «счетные формы», сингулятивы, при этом они стилистически маркированы: *морковка*, *морковина*, *свеколка*, *луковица*. В этом случае существует позиция, открытая для интерференционного влияния.

Важно отметить возможность прагматической нейтрализации, например: (1) *положи в рис морковь* (2), *положи в рис морковку*; в контексте (2) речь может идти и об одной штуке (нужно положить

¹² Ibid.

именно одну штуку), и о типе продукта (положить нужно именно морковь, а не лук), это затрудняет понимание инофоном условий использования таких лексем, как *морковь* и *морковка*.

Кроме того, важно при этом учитывать синонимию/омонимию падежных форм и их конкуренцию, что является отдельной методической проблемой, например: *положи моркови*, *положи морковь*. В этом случае мы не можем говорить об ошибке, связанной с образованием форм числа.

Это и является основой для интерференции и появления ошибок в русской речи итальянцев. Приведем пример (аутентичный текст, перевод, сделанный в учебных целях):

Когда чувствуется психогенное переедание и невозможно отказаться, можно потворствовать желанию и есть что-нибудь здорового. Поэтому можно абсолютно есть сухофрукты, семечки подсолнечника, тыквенные семечки, киви, апельсины, папайя, мандарины, **моркови**, имбирь и йогурт, которые содержат мало калорий и они утоляют голод.

(Chiarito questo, si può agire a partire dall'alimentazione. Quando la fame nervosa inizia a farsi sentire e non si riesce proprio a dire di no, si può anche assecondare l'impulso, ma mangiando qualcosa di sano. Quindi assolutamente sì a frutta secca, semi di girasole, semi di zucca, kiwi, arance, papaia, mandarini, **carote**, zenzero e yogurt, che contengono poche calorie e hanno un elevato potere saziante.)

Заключение

Природа интерференционного влияния на образование форм множественного числа абстрактных и вещественных существительных различна. Ошибочное образование форм множественного числа в русской речи итальянцев обусловлено как спецификой национальной картины мира (например, особенностями концептуализации мира), так и лингвистическими особенностями русского и итальянского языков: спецификой обозначаемых денотатов, родо-видовых соответствий, особенностями лексикализации форм числа. Несистемность и нерегулярность грамматических помет в двуязычных и толковых словарях является существенной методической проблемой. На наш взгляд, сопоставительный анализ важен для выявления актуальных языковых тенденций и предотвращения потенциальных ошибок при изучении иностранного языка и РКИ в частности.

Литература

- Ахунзянов 1978 – *Ахунзянов Э.М.* Двухязычие и лексико-семантическая интерференция. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. 189 с.
- Беженар 2015 – *Беженар О.А.* Интерферирующее влияние итальянского языка при изучении русского языка: фонетическая, орфографическая, грамматическая и синтаксическая интерференция // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования: языки и специальность». 2015. № 4. С. 51–57.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 – *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Фонология // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 253–361.
- Вайнрайх 1999 – *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. III: Пер. с англ., нем., фр. / Общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1999. С. 7–42.
- Верещагин 1968 – *Верещагин Е.М.* Понятие «интерференция» в лингвистической и психологической литературе // Иностранные языки в высшей школе: Сб. ст. Вып. 4. М.: Советская наука, 1968. С. 103–110.
- Ильяшенко 1970 – *Ильяшенко Т.П.* Языковые контакты: На материале славяно-молдав. отношений. М.: Наука, 1970. 205 с.
- Карлинский 1990 – *Карлинский А.Е.* Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Гылым, 1990. 180 с.
- Розенцвейг 1972 – *Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты. Л.: Наука, 1972. 80 с.
- Шведова 1980 – *Шведова Н.Ю.* Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
- Щерба 1958 – *Щерба Л.В.* О понятии смещений языков // Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. С. 40–53.

References

- Akhunzyanov, E.M. (1978), *Dvuyazychie i leksiko-semanticheskaya interferentsiya* [Bilingualism and lexico-semantic interference], Izdatel'stvo Kazan. Universiteta, Kazan', Russia.
- Baudouin de Courtenay, I.A. (1963), "Phonology", Baudouin de Courtenay, *Izbrannyye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics], Izd-vo AN SSSR, Moscow, vol. 2, pp. 253–361.
- Bezhenar, O.A. (2015), "Italian language influence interfering with the learning process of Russian: phonetic, orthographic, grammatical and syntactic interference", *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, no. 4, pp. 51–57.
- Il'yashenko, T.P. (1970), *Yazykovyye kontakty* [Language contacts. On the material of Slavic-Moldavian Relations.], Nauka, Moscow, Russia.
- Karlinskii, A.E. (1990), *Osnovy teorii vzaimodeistviya yazykov* [Fundamentals of the language interaction theory], Gylim, Alma-Ata, Kazakhstan.

- Rozentsveig, V.Yu. (1972), *Yazykovye kontakty* [Language contacts], Nauka, Leningrad, Russia.
- Shcherba, L.B. (1958), "On the concept of language mixing", Shcherba, L.B. (ed.), *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics], vol. 1, Izd-vo Lenigr. un-ta, Leningrad, USSR, pp. 40–53.
- Vereshchagin, E.M (1968) "The concept of 'interference' in linguistic and psychological literature", *Inostrannye yazyki v vysshei shkole*, no. 4, pp. 103–110.
- Weinreich, U. (1999), "Monolingualism and multilingualism", Rozentsveig, V.Yu., Zvegintsev, V.A. and Gorodetsky, B.Yu. (eds.), *Zarubezhnaya lingvistika*, vol. III, pp. 7–42.

Информация об авторе

Ольга Б. Трубина, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; olga.palladio@mail.ru

Information about the author

Ol'ga B. Trubina, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; olga.palladio@mail.ru